

Ускользящая вплоть до полного исчезновения (ответ на статью А.А. Ткаченко «Об ускользящей предметности судебной психиатрии»)

Шишков С.Н. к.юр.н., главный научный сотрудник

ФГБУ «Национальный исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
119991, Москва, Кропоткинский пер., 23

Автор для корреспонденции. Шишков Сергей Николаевич; e-mail: shishkov50@mail.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 11.10.2017.

Статья продолжает полемику, начатую профессором А.А. Ткаченко в его статье «Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина» [Психическое здоровье. 2016; (11): 3-14]. Анализируется ряд спорных общеметодологических вопросов судебно-психиатрической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, конвенционализм, психическое расстройство, невменяемость, юридический критерий невменяемости.

Полгода назад, решив откликнуться на предыдущую статью А.А. Ткаченко [4, 6], я ставил перед собой скромные задачи: уточнить свою позицию по тем проблемам, коих коснулся в статье уважаемый профессор, а заодно поделиться своими соображениями по ряду вопросов, способных заинтересовать тех, кто занимается методологией судебной психиатрии. Признаться, я даже не считал свой журнальный отклик полемикой. Просто каждый из нас, придерживаясь разных точек зрения, поговорил немного о своем. Однако, получив от А.А. Ткаченко ответ на мой ответ [5], я понял, что должен выступить с еще одной публикацией, имеющей отчетливо выраженную полемическую направленность, ибо далее уже невозможно делать вид, что говоришь только о своем и пытаться избежать лобового столкновения противоборствующих мнений.

Предварительно считаю необходимым отметить следующие моменты.

Отдельные фрагменты моей статьи могут не отвечать обычным требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Например, в ней даются ссылки на личные воспоминания автора. Почему я счел подобное допустимым, я пояснил в предыдущей своей статье, к которой и отсылаю читателя.

Проблематика, ставшая предметом данной дискуссии, анализируется на примере концепции невме-

няемости и исключаяющих ее болезненных психических нарушений. Другие виды юридически значимых психических расстройств могут характеризоваться определенной спецификой, требующей отдельного рассмотрения.

Круг затрагиваемых в дискуссии вопросов велик для одной журнальной публикации и потому их анализ вынужденно избирателен.

После перечисленных предварительных замечаний можно переходить к самой дискуссии.

1. Мой оппонент утверждает, будто я призываю использовать «конвенционализм, неизбежный в юриспруденции, в абсолютно чуждом для него поле научной мысли» [5, с. 83]. Позволю себе уточнение: видимо, имеется в виду поле естественно-научной мысли, ибо «юриспруденция¹» — тоже наука (общественная). С процитированным тезисом, во многом ключевым для дальнейших рассуждений А.А. Ткаченко, я не согласен.

Основоположником конвенционализма² считается Анри Пуанкаре (1854—1912) — французский математик, физик, механик, астроном и философ. Отталкиваясь от аксиоматического метода в математике, он распространил идеи конвенционализма «на сферу физических теорий (прежде всего на классическую механику, термодинамику, электродинамику)» [2, с. 283]. Истоки конвенционализма Пуанкаре ле-

¹ Точнее было бы говорить о «праве» или «юридических науках».

² В предельно кратком изложении сущность конвенционализма состоит в том, что научные суждения (по крайней мере, некоторые из них) базируются непосредственно не на объективных признаках изучаемой наукой реальности, а на условных договоренностях, достигнутых между учеными-исследователями.

жат в сфере точных и естественных наук, в силу чего он никак не может быть им «абсолютно чужд».

Конвенционализм не претендует на всеохватность. Ныне он даже «не является однородным направлением», хотя «его идеи продолжают обсуждаться в различных философско-методологических концепциях, составляя их проблемную часть» [2, с. 284]. «Мой» конвенционализм в части толкования юридического критерия невменяемости носит локальный характер. Условные договоренности в судебной психиатрии оправданы лишь тогда, когда проблемная ситуация неразрешима иным способом. Ранее я неоднократно отмечал, что немало судебно-психиатрических оценок не конвенциональны. Поэтому в ответ на любые попытки чрезмерно широкого применения в судебной психиатрии конвенционального метода я первым готов возвысить свой протестующий голос.

Конвенционализм вызывает иногда недоверие из опасения, что базирующиеся на условных договоренностях научные конструкции возведены на чересчур зыбкой почве. В разговоре со мной один мой оппонент заметил: если бы принципы судебной психиатрии базировались на условностях, то эксперта-психиатра нельзя было бы обвинить ни в ошибках, ни в злоупотреблениях, поскольку все его оценки и выводы оказались бы произвольными, не имеющими прочной основы и оттого бездоказательными. Я подобных страхов не разделяю.

Во-первых, научные «конвенции» абсолютно произвольными не бывают. Они всегда чем-то обусловлены и поставлены в определенные рамки. Во-вторых, когда «конвенция» заключена, ее условность отходит на второй план, а на авансцену выдвигается другое ее качество — обязательность для исполнения. Конвенционализм не дает никаких индальгенций и не освобождает никого от ответственности. Замерщик, допустивший ошибку в измерениях, в результате чего оконная рама, изготовленная по его неверным расчетам, не помещается в оконный проем, в свое оправдание не может сослаться на условный характер единиц измерения, которыми он пользовался. Подлежит он и юридической ответственности, ибо обязан возместить причиненные клиенту убытки. Хотя условный характер единиц измерения, будь то метр, фут, дюйм или аршин сомнений не вызывает.

2. Мой уважаемый оппонент (если я правильно его понимаю) полагает, будто для решения основных методологических проблем судебной психиатрии вполне достаточно одного пути — пути поступательного и все более глубокого научного проникновения

в закономерности и механизмы психической регуляции поведения человека. Двигаясь этим научно-объективным путем и не прибегая к конвенциональным договоренностям, можно решить основные методологические проблемы судебной психиатрии, включая проблему точно и однозначно определяемых психопатологических «границ» невменяемости. Думаю, что это не так.

В науке действительно имеется область познания, которую я условно назвал бы «естественно-научным универсализмом». Это та область, где знание как бы непосредственно и полно «вычерпывается» из объективно существующих свойств изучаемого фрагмента реальности. Так была установлена, например, величина скорости света, которую ученые вычислили физическим измерением, а не договорились считать ее именно такой. Тем же путем открывались и формулировались законы Ома и всемирного тяготения. Добытое этим способом научное знание универсально и общеобязательно. Ученые отдельных стран не могут иметь своего специфического закона всемирного тяготения или своей особой величины скорости света.

В отличие от единых и общеобязательных интеллектуальных продуктов естественно-научного универсализма, уголовно-правовой институт невменяемости характеризуется пестрым национальным многообразием. Воззрения на невменяемость в разных странах различны. Расхождения, причем существенные, могут касаться как ее законодательных формул, так и ее психопатологического содержания («наполнения»).

Уважаемый оппонент смотрит на проблему отмеченных расхождений оптимистично, выражая надежду, что национальные различия со временем начнут сглаживаться, а позиции судебных психиатров отдельных стран в оценке юридически релевантных психических расстройств — сближаться. По его мнению, расхождения в законодательных формулировках объясняется тем, что они несут на себе «самобытный отпечаток той или иной культуры», однако «независимо от национальных научных традиций эволюционное развитие научного познания с неизбежностью будет сближать представления об изучаемом объекте» [5, с. 89].

В этом вопросе я не столь большой оптимист. Многочисленные и существенные различия³ могут сохраняться неопределенно долго. Что касается «сглаживания национальных традиций», то подобной общей тенденции я пока не наблюдаю. Расхождения порой лишь усиливаются. К примеру, в последние годы в ряде штатов США уголовно-правовой институт невменяемости был полностью отменен⁴. Какое-то

³ Например, в Англии и США критерии невменяемости, как правило, более строги, чем в России, и какая-то часть больных, признаваемых невменяемыми у нас, были бы признаны вменяемыми у них.

⁴ Об этом, в частности, шла речь на встрече сотрудников Центра им. В.П. Сербского с профессором Медицинской школы Массачусетского университета А. Пакером 6 июля 2017 г.

время назад подобное было трудно даже помыслить. И вот оказалось, что невменяемость можно «уничтожить» волевым решением законодательной власти современной цивилизованной страны с развитой правовой системой.

В рамках естественно-научного универсализма подобное в принципе невозможно. Физики не в состоянии упразднить закон Ома, а химики — таблицу Менделеева, ибо законы природы не отменяемы простым волевым решением. Дефиниции и формулы в физике, химии, биологии универсальны и не несут на себе «самобытных отпечатков той или иной культуры». И если со временем здесь что-то меняется, то в масштабах всей мировой науки, а не порознь по ее отдельным национальным филиалам.

Из упомянутой оппонентом самобытности национальных культур важно делать правильные выводы. Сам факт существования многоликих культурных традиций свидетельствует, что *их вариативность принципиально возможна*, тогда как в ряде областей естественно-научного знания такой возможности нет. Эти области знания отличает единство фундаментальных принципов и законов (например, закон сохранения энергии) и единая научная картина мира⁵. В правовых системах такое единство отсутствует, в связи с чем отсутствует и единство в учении о невменяемости.

Так, Правила Мак-Натена (формула невменяемости, действующая в Англии и Уэльсе) базируются на концепции парциальной вменяемости, когда характер психического заболевания напрямую увязывается с характером преступления (душевнобольной с бредом преследования, убивший мнимого преследователя, невменяем, а если он украл кошелек, то вменяем). Однако в большинстве стран, включая Россию, парциальная вменяемость отвергается. В государствах с англо-саксонской системой права невменяемость считается средством защиты от предъявленного обвинения (*insanity defense*), и инициировать вопрос о невменяемости вправе лишь сторона защиты. В России и других странах с так называемой романо-германской правовой системой невменяемость рассматривается как обстоятельство, подлежащее доказыванию независимо от позиции сторон по данному вопросу. В одних странах законом предусмотрены эксперты обвинения, защиты и суда, тогда как в других подобного различия нет, и т.п. Поэтому для унификации юридических норм о невменяемости пришлось бы унифицировать целиком уголовное право и процесс, приняв единые для всего мира УК и УПК. Утопичность такой задачи не вызывает у меня сомнений.

⁵ Картина мира может меняться в результате научных революций, сменяющих научные парадигмы (хрестоматийна смена геоцентрической парадигмы в астрономии на гелиоцентрическую в результате Коперниканской революции). Однако господствующая парадигма «правит» в науке, как правило, веками.

3. Отмеченный выше «плюрализм» судебной психиатрии обусловлен не тем, что она изучает объекты, не поддающиеся непосредственному восприятию. Плюрализм можно обнаружить и в науках, имеющих дело с осязаемыми и зримыми материальными объектами, включая судебно-экспертные науки. Мне вспоминается, как много лет назад преподаватель криминалистики юридического факультета МГУ, поведав нам, студентам, о том, какое число совпадений папиллярных узоров позволяет эксперту сформулировать вывод о тождестве двух сравниваемых отпечатков пальцев, сделал любопытную оговорку. Он заявил, что число совпадений, признанных отечественной дактилоскопией, представляется ему избыточным, взятым с чрезмерно большим запасом. По его мнению, для вывода о тождестве вполне хватило бы не 12 совпадений, а всего восьми (цифры были, кажется, такими). Разве это не убедительное свидетельство конвенциональной природы важнейших методологических принципов научной дактилоскопии?

Второй наглядный пример касается судебно-баллистической экспертизы холодного оружия. Если экспертизе подвергается нож, то, проводя ее, криминалисты исследуют разнообразные признаки изучаемого объекта: его конструкцию, размеры, прочность, способ крепления рукоятки, материал, из которого он изготовлен, и многое другое. Однако, сколь бы тщательно и углубленно ни проводилось исследование, сам по себе суммарный набор физических свойств ножа не в состоянии дать ответ на главный экспертный вопрос: является ли он холодным оружием? Чтобы ответ стал возможным, нужно заранее определить совокупность признаков того класса объектов, который именуется холодным оружием. Я уверен, что сделать это можно только конвенциональным путем, и готов подтвердить свою уверенность примером из истории советской баллистики.

Признаки холодного оружия независимо друг от друга разрабатывали научные коллективы судебно-экспертных учреждений двух министерств — МВД и Минюста. Результаты их работы, отраженные в методических документах, разошлись. Однако при этом в обоих документах не было профессиональных упущений или ошибок. При всех своих нестыковках они не содержали положений, противоречащих данным научной баллистики. Причиной имевшихся расхождений стала принципиально возможная вариативность решения вопросов, относящихся к методическим основам экспертизы холодного оружия. Научно обоснованное, «правильное» решение допускало не один возможный вариант, а несколько.

Причины такой вариативности очевидны и понятны. К примеру, чтобы считаться холодным оружием, нож должен иметь достаточный по размерам клинок. Но какой конкретно должна быть его минимальная длина? Положим, специалисты остановились на цифре 90 мм⁶. Доказуемо ли, что она является единственно верной, а цифры 87, 88, 89, 91, 92 или 93 уже ошибочны? Нет, конечно. Цифровые параметры здесь принципиально переменны, цифры свободно «гуляют» по коридору возможностей, а их окончательный выбор конвенционален. Совершенствование измерительной техники ничего в этом плане не дает. Доведение точности измерений до одного микрона ни на микрон не продвинет вперед решения общеметодологических проблем экспертизы холодного оружия.

Таким образом, спор между специалистами обоих ведомств был принципиально неразрешим. Невозможно было установить, кто «прав», ибо, как уже говорилось, обе позиции были приемлемыми в научно-методическом плане. В этом смысле обе стороны оказывались «правы».

Однако для практической экспертизы был приемлем лишь один вариант, иначе нарушались принципы судебно-экспертной деятельности и ставились под угрозу права граждан. Методический документ МВД предписывал признавать холодным оружием ряд объектов, которые документ Минюста к холодному оружию не относил. Нельзя было допустить, чтобы решение вопроса о признании человека виновным зависело от того, экспертам какого ведомства будет поручена экспертиза. Критерии нуждались в унификации. Она была произведена конвенциональным путем — принятием единого документа на основании компромиссных договоренностей. Иного (не конвенционального) решения данная коллизия, на мой взгляд, не имела. Именно такого рода судебно-экспертные проблемы я считаю недоказуемыми ни логически, ни эмпирически. Они решаются только конвенционально.

В судебной психиатрии признаки психических расстройств, обуславливающих невменяемость, тоже принципиально переменны. Профессор А.А. Ткаченко, соглашаясь с этим, уделяет пристальное внимание проблеме критериев судебно-психиатрических оценок, которые приходится формулировать в условиях вариативной неопределенности. Он пишет: «...наша работа как ученых состоит в сведении погрешности такой оценки (такого соотношения со строго сформулированными критериями, не имеющими конкретного выражения в объективной реальности) к возможному минимуму» [5, С. 89]. Этот тезис для меня загадочен.

Мне понятно, что такое «погрешность» при физических измерениях. Если измерительный прибор неточен, он допускает погрешности в измерении. Значит, нужно создавать более совершенный прибор, сводящий их «к возможному минимуму». Специалист, производящий измерения, может ошибиться. Ошибок следует избегать, или, по меньшей мере, сводить «к возможному минимуму». Но что такое «погрешность», допускаемая при оперировании с объектами, «не имеющими конкретного выражения в объективной реальности»?

Универсальный характер закона всемирного тяготения, который не может игнорировать ни один строитель и архитектор, не исключает разнообразия строительных приемов и архитектурных стилей. Это разнообразие было бы некорректно рассматривать как следствие допущенной кем-то ошибки, «погрешности». Например, пытаться доказать, что готика «ошибочнее» барокко или наоборот. И принципиально неверной была бы задача сведения отмеченной многоликости приемов и стилей «к возможному минимуму». Точно так же универсальные закономерности и механизмы дисрегуляции поведения человека при психических расстройствах не исключают множества законодательных формул невменяемости и различий в ее психопатологическом «наполнении». Здесь различность еще не свидетельство некоей погрешности, требующей непременно устранения.

Хотелось бы подчеркнуть еще раз: в сфере естественно-научного универсализма действие научных законов дает прямой осязаемый результат. И если законы природы нарушать, то они сами могут постоять за себя, «отомстив» нарушителю. Строитель, игнорирующий закон всемирного тяготения, рискует чем-то большим, нежели перспектива проиграть умозрительный спор. Спор можно проиграть самой природе, что угрожает серьезными неприятностями вплоть до обрушения возводимого здания. В этом как раз и заключается принудительная сила законов природы и их всеобщий характер. Древние зодчие не знали дефиниции и математической формулы закона всемирного тяготения, открытого Ньютоном. Но они успешно осваивали эмпирические проявления этого закона в своей профессиональной деятельности, понимая: если строительные камни класть «не так, как нужно», то строение окажется неустойчивым и непрочным.

Игнорирование института невменяемости природными последствиями не грозит. В Древнем мире и в Средние века душевнобольные подвергались уголовному наказанию наряду с психически здоровыми преступниками. И природа взирала на это равнодушно.

⁶ Согласно ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», к категории «холодного клинкового оружия и ножей» отнесены соответствующие предметы «при длине клинка и лезвия более 90 мм». Указанная длина закреплена и в действующей судебно-экспертной методике.

но, в том числе природа человека. Ничей разум не возмущался и не кипел. И небо не падало на землю. Для понимания того, что наказывать безумцев недопустимо, недостаточно овладеть законами, опирающимися на работающий мозг. Требуется нечто большее: выработка принципов справедливого правосудия, категорий вины, уголовной ответственности и наказания. Границы уголовно-правовых принципов и понятий исторически изменчивы, вариативны, переходящи. Именно отсюда ведут начало различия в системах права, его институтов и категорий (категория невменяемости в их числе). И именно поэтому надежда на то, что с помощью освоения одних лишь объективных законов природы можно добиться устранения этих различий, кажется мне утопичной.

Аналогичная проблемная ситуация наблюдается, на мой взгляд, и при определении критериев судебно-психиатрических оценок. Она лишь гораздо более сложна, чем в криминалистике. Там объект исследования материален и непосредственно явлен эксперту. В судебной психиатрии нет столь «непосредственной явленности». Восприятие, мышление, память и другие «невидимые» феномены психической деятельности необходимо предварительно «сконструировать», представив их в виде схем и моделей, призванных указать деятельность адекватно репрезентировать. Соответственно возрастает и степень сложности задач, решаемых судебно-экспертным путем, причем возрастает очень значительно.

4. Мне представляется, что естественно-научный универсализм, как я его называю, с его всеобщими и общеобязательными законами опирается на естественные и постоянные физические величины — скорость света, орбиты движения планет и пр. К примеру, на шкале температур есть две неперенные точки — кипения и замерзания воды. Их характеризуют объективность (независимость от исследователя), строгая определенность и неустраиваемость. В обеих точках вода, подчиняясь природным законам, качественно меняет свое физическое состояние, переходя из жидкости в лед или пар. Обе точки заданы самой природой объективно и однозначно.

На шкале осевой модели степеней тяжести психических расстройств не существует объективно заданной и однозначно определяемой точки, с которой «начинается» невменяемость. Поэтому «точку невменяемости» невозможно отыскать, исследуя лишь закономерности работающего мозга, его клинических и патофизиологических механизмов, параметров etc. В истории уголовного права было время, когда на упомянутой осевой модели «точка невменяемости» отсутствовала. Затем она появилась, очертив «зону невменяемости», которая поначалу охватывала лишь узкую группу наиболее тяжелых расстройств, отвечающих критериям «абсолютного неразумения». Со временем зона расширялась и «точка невменяе-

мости» соответствующим образом перемещалась по шкале. Она способна появляться, перемещаться и вновь исчезать, как это случилось недавно в ряде штатов США. Наконец, на оси может появиться еще одна точка — «ограниченной вменяемости»; правда, ее появление не обязательно, есть страны, обходящиеся без нее. В отличие от общеобязательных, вечных и неизменных точек кипения и замерзания воды.

5. Одним из условий успешного решения проблем, связанных с определением психопатологических «границ» невменяемости, я считаю определение меры требовательности к психике человека в контексте возложения на него уголовной ответственности: насколько (в какой мере) человек должен быть психически ненормальным, не разумеющим и не руководящим собой, чтобы не отвечать за свои поступки? По мнению А.А. Ткаченко, такая мера требовательности задана статьей 25 УК РФ, определяющей преступный умысел. «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления» (ч. 2 ст. 25 УК РФ). Далее он пишет: «...придерживаясь подобных взглядов на понятие вины, законодатель опирается, прежде всего, на представления о внутренней организации поведения, разделяемые современной психологией» [5, С. 86].

У меня складывается впечатление, что мы говорим о разных вещах. Процитированная норма УК не может считаться мерой уголовно-правовой требовательности к психике лица. Категория умысла была разработана еще римскими юристами, оставаясь почти неизменной вот уже две тысячи лет. За истекший двухтысячелетний период представления о «внутренней организации поведения» едва ли оставались прежними. Но главное не в этом.

Возьмем в качестве примера развитие уголовного права одной страны — Англии. Принцип субъективного вменения (принцип вины) сформировался там уже к XIII столетию во многом благодаря трудам правоведа Г. Брэктона. Вина (виновная воля) рассматривалась им как намерение совершить определенное противоправное деяние. Однако это устоявшееся еще восемь веков назад единообразие во взглядах на виновную волю не гарантировало единства во взглядах на невменяемость.

Поначалу безумие лишь смягчало наказание. Первый случай полного освобождения безумца от уголовной ответственности датируется 1505 годом. Спустя 220 лет судья Трейси, опираясь на авторитет Г. Брэктона, сформулировал в качестве критерия невменяемости «критерий дикого зверя», в соответствии с которым некто Эдвард Арнольд был признан вменяемым по делу о покушении на убийство,

невзирая на наличие у него душевной болезни, сопровождающейся бредом преследования⁷.

В 1843 г. появляются новые критерии — Правила Мак-Натена, действующие в Англии по сию пору. В отличие от Эдварда Арнольда, признанного виновным, Даниэля Мак-Натена, совершившего убийство также по мотивам, вытекавшим из бреда преследования, экскульпировали. В очень схожих между собой делах судебные решения по вопросу о вменяемости кардинально разошлись, хотя воззрения судей на «виновную волю» были одинаковыми⁸. В чем причина отмеченного парадокса?

Ответ кроется опять-таки в вариативности. Только на сей раз в вариативности не физических критериев, как в примере с экспертизой холодного оружия, а в вариативности семантической (смысловой), которая и порождала разные оценки и выводы. Согласно «критерию дикого зверя», достаточно было выявить наличие намерения совершить уголовно наказуемый поступок. Если Арнольд замыслил убить конкретного человека, а затем последовательно исполнял это свое намерение, значит, он понимал, что делал. Болезненный мотив преступления (Арнольд намеревался убить своего мнимого преследователя), значения для суда не имел. Согласно Правилам Мак-Натена, помешанного убийцу, тоже страдающего бредом преследования, уже признали неспособным к пониманию содеянного. Ибо, как полагали судьи, безумие настолько искажало восприятие окружающего, что адекватно понимать значение своих действий безумец не мог.

Как видим, одинаковая законодательная формулировка умысленной вины (как намерения совершить конкретное преступление) еще не обеспечивает столь же однозначного вывода о мере уголовно-правовой требовательности к психике человека. Одинаковые формулировки вины могут иметь разные варианты толкования, в результате чего больного, убивающего свою жертву по бредовым мотивам, то признают понимающим содеянное, то отказывают ему в таком понимании. Причем простор для толкования широк. Слова: «он не понимает, что делает», применимы даже к поведению просто легкомысленного человека, не привыкшего обдумывать свои поступки, про которого говорят: «да он не понимает, во что ввязался».

Таким образом, задача определения меры уголовно-правовой требовательности к психике субъекта преступления оказывается не по плечу законодателю. Мой оппонент возражает: это, мол, «смотря какой законодатель» [5, С. 86]. Я берусь утверждать, что любой, ибо любая законодательная формула невменяе-

мости с неизбежностью оказывается семантически вариативной⁹. Для устранения ее полисемии и установления единственного варианта толкования требуются подробные разъяснения, но законодательный текст очень лаконичен и связан иными ограничениями, накладываемыми правилами юридической техники.

6. Полисемия, допускающая возможность нескольких способов толкования законодательной формулы невменяемости подлежит устранению и допустимым должен быть признан только один вариант. Иначе окажутся нарушенными принципы судебно-экспертной деятельности и права граждан (вспомним пример с различающимися между критериями холодного оружия, разработанными специалистами двух разных ведомств). Кто должен давать «единственно верное» толкование? Казалось бы, ответ очевиден: единственно верным следует признать то, чем руководствуются эксперты при проведении ими судебно-психиатрической экспертизы, которая при сомнениях во вменяемости обвиняемого стала со временем обязательной. Однако с выводами торопиться не стоит.

Во-первых, в таком случае судебные психиатры самостоятельно определяют и меру уголовно-правовой требовательности к психике субъекта противоправного деяния. Если законодательная формула невменяемости допускает несколько вариантов толкования, а официально признанного варианта нет (во всяком случае, его нет в современной России), то эксперты фактически берут на себя задачу «правильного» понимания этой формулы, наполняя ее психопатологическим содержанием. Следовательно, они и решают, в какой мере человек должен быть психически ненормальным, чтобы не отвечать за совершение запрещенных уголовным законом деяний. Если высказать данную мысль более откровенно, то судебные психиатры сами решают, каким должно быть психическое расстройство, чтобы больного нельзя было признать виновным и неотвечественным за содеянное. А разве медики правомочны решать эти явно не медицинские вопросы?

Когда-то их решение целиком входило в компетенцию законодателей и судей. Первые определяли общие критерии невменяемости, вторые признавали невменяемыми конкретных лиц. В странах с системой прецедентного права судья мог быть законодателем и правоприменителем одновременно. Помощь врача-психиатра была не нужна.

Психиатры входили в судебный процесс постепенно, выступая на первых порах скорее как консультанты, нежели эксперты. Но их роль постоянно возрастает

⁷ Подробнее об этом деле и «критерии дикого зверя» говорится в моей предыдущей статье.

⁸ Впервые «критерий дикого зверя» был отвергнут судом в 1800 году при рассмотрении дела Хадфильда. Аргументы адвоката Эрскина, добившегося признания Хадфильда невиновным, частично легли в основу Правил Мак-Натена.

⁹ Читатель может убедиться в неизбежности этой вариативности, самостоятельно проанализировав формулы невменяемости, используемые ныне в законодательстве разных стран мира.

ла, пока, наконец, они не забрали в свои руки оценку всех юридически релевантных признаков психического расстройства, совершив внешне малозаметную «революцию» компетенций. Компетенция определять меру уголовно-правовой требовательности к психике лица перешла от законодателя и суда к психиатрам¹⁰.

Во-вторых, «единственно верный» способ толкования формулы невменяемости и однозначного определения ее критериев должен быть как-то «официально» зафиксирован, чтобы при необходимости к нему могли обратиться все участники процесса. Так, эксперты-баллисты при определении минимальных размеров клинка ножа могут сослаться на Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» и методические документы, содержащие конкретную цифру. Судебные медики при определении степени тяжести вреда здоровью пользуются не только общими формулировками УК РФ, но еще и методическими документами, имеющими обязательную силу. «Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»¹¹ сначала приводят общие дефиниции. Пункт 6.1 названного документа определяет «вред здоровью, опасный для жизни», как вред, «который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни», а также «вызывает развитие угрожающего жизни состояния». И далее в п. 6.1 перечисляются 29 видов травматических поражений, раскрывающих содержание означенных дефиниций.

Судебные психиатры подобной официально утвержденной методически обязательной конкретизации не обладают, и абстрактно сформулированный юридический критерий невменяемости статьи 21 УК РФ, имеющий, как уже отмечалось, не один потенциально возможный канон толкования, трактуется и «наполняется» психопатологическим содержанием самими судебными психиатрами.

К сожалению, ограниченные размеры журнальной статьи вынуждают меня остановиться, прервав дальнейший спор с уважаемым оппонентом и оставив «недосказанными» кое-какие вопросы. Их, как минимум, два.

Первый касается необходимости принятия методического документа, в котором абстрактные формулировки статьи 21 УК РФ («Невменяемость») наполнились бы конкретным содержанием. Без рассмотрения этого вопроса мой текст оказывается прерванным буквально на полуслове. Второй вопрос относится к проблеме «проверяемости» судебно-психиатрических критериев невменяемости и базирующихся на них судебно-психиатрических экспертных оценок. Если быть более точным, я имею в виду эмпирическую «непроверяемость» критериев невменяемости в сравнении с критериями недееспособности, которые, казалось бы,

«проверяемы» практикой. Например, определенная психическая патология считается не исключающей дееспособность. Однако анализ эмпирического материала свидетельствует: больные с этой формой патологии не справляются со своими повседневными житейскими обязанностями и своими явно неразумными действиями наносят ущерб собственным правам и законным интересам, что указывает на ошибочность мнения относительно дееспособности таких больных. Однако при более внимательном рассмотрении «проверяемость» критериев недееспособности оказывается весьма специфичной, если не иллюзорной. Правда, этот вопрос придется обсудить как-нибудь в другой раз.

В заключение хотелось бы отметить, что некоторые аспекты нашего с профессором А.А. Ткаченко спора сильно меня смущают. В ряде случаев мы, как мне кажется, говорим о разных вещах или о вещах весьма неодинаково нами понимаемых. Иногда тезисы и аргументы либо искусственно вырваны из более широкого контекста, либо приводятся в редакции, меняющей их смысл. Приведу два примера (хотя их гораздо больше).

Мой оппонент пишет: «Следует признать справедливым замечание С.Н. о трудностях использования модели «осевой диагностики» (предлагаемой С.Н. и им же самим отвергаемой) для оценки юридического критерия невменяемости...» [5, С. 89]. Но я никогда не предлагал использовать то, что именно «осевой моделью», в качестве критерия оценки невменяемости, понимая методологическую несостоятельность и практическую бесперспективность такого подхода. Я использую «осевую модель» с единственной целью — наглядно показать принципиальную вариативность названного критерия, не преодолимую ни эмпирически, ни логически.

В другом фрагменте своей статьи профессор А.А. Ткаченко приписывает мне мысль, согласно которой методологической основой для оценки невменяемости является «психотический уровень» психического расстройства [5, С. 86]. Однако использование понятия «психотический уровень» в указанном качестве предлагается отнюдь не мной, а отечественными психиатрами. Об этом писали О.В. Кербинов [1], В.П. Котов и М.М. Мальцева [3], другие авторы. Затрагивая данную тему, я лишь ссылаюсь на мнение психиатров, считающих, что «психотический уровень» психического расстройства придает нарушениям психики новое качество. К примеру «психотический» больной, покушающийся на жизнь супруги под воздействием бреда ревности, «не осознает» значения своих действий, хотя чисто внешне он, казалось бы, понимает, что убивает жену и делает это именно из-за ее супружеской неверности. Я привожу эту точку зрения, разделяемую многими отечественными судебными психиатрами, однако не берусь оценивать

¹⁰ Правда, психиатры овладели не всей «полнотой власти», ибо за судом сохраняется право не соглашаться с экспертными выводами.

¹¹ Приложение к приказу Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 г. № 194н.

ее научную обоснованность. Собственно проблема «психотического уровня» выходит за пределы моих специальных знаний.

В то же время меня тревожит мысль: не грешу ли я тем же грехом по отношению к оппоненту, не понимая ряда его суждений или искажая смысл сказанного им? Не совершаю ли ошибок, коих просто не замечаю? При положительном ответе перспективы нашей дискуссии становятся безрадостными, ибо каждый из нас, подводя ее итоги, вправе будет сказать: «Вот и поговорили. Я ему про Фому, а он мне про Ерему».

Не так давно мне довелось услышать философскую притчу (основанную на реальных событиях) о споре двух философов. Их взгляды на какую-то важную проблему разошлись столь кардинально, что это озадачило их самих. Ведь любая научная полемика ведется по правилам научного обоснования и логического доказательства. И если строго придерживаться этих универсальных общеобязательных правил, то это, как можно было бы предположить, позволит разобраться в причинах всех имеющихся коллизий и в конечном итоге разрешить их. Регулярно встречаясь, оба философа вели дискуссии с целью понять суть своих разногласий, что, как они полагали, открывало дорогу к выработке единого мнения. Прodelав тяжелую умственную работу, занявшую годы, диспутанты... разошлись во взглядах гораздо дальше, чем прежде. Боюсь, что, втягиваясь в долгую изнурительную полемику, мы с моим оппонентом рискуем повторить их тернистый путь.

P.S. Впрочем, с названием статьи профессора А.А. Ткаченко — «Об ускользающей предметности судебной психиатрии» — я отчасти готов согласиться. В каком-то смысле предметность судебной психиатрии, действительно, может ускользать вплоть до полного своего исчезновения. Как это произошло, например, в некоторых штатах США, «упразднивших» у себя невменяемость. В целом же предметная область судебной психиатрии никуда не ускользает и полностью не исчезнет. В обозримой исторической

перспективе ее предметность по-прежнему будет располагаться в сфере, именуемой «психической деятельностью человека», а целью судебной психиатрии как отрасли научного знания и направления практической деятельности, останется решение ее традиционных задач, связанных с выявлением психических расстройств, имеющих правовое значение.

Список литературы

1. Кербиков О.В. К проблеме качества в медицине. Методологические проблемы современной медицины. М., 1965: 81-91.
2. Конвенционализм. Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Том 2. М., 2001. С. 283-284.
3. Котов В.П., Мальцева М.М. Дискуссионные аспекты понятия «душевное заболевание» в современной психиатрии. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова* 1989; (5): 145-148.
4. Ткаченко А.А. Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина. *Психическое здоровье* 2016; (11): 3-14.
5. Ткаченко А.А. Об ускользающей предметности судебной психиатрии. *Психическое здоровье* 2017; (8): 83-90.
6. Шишков С.Н. «Доказуемость» и «проверяемость» судебно-психиатрических экспертных оценок. *Психическое здоровье* 2017; (6): 65-71.

References

1. Kerbikov O.V. To the problem of quality in medicine. Methodological problems of modern medicine. Moscow, 1965. P. 81-91. (In Russ.).
2. Conventionalism. New philosophical encyclopedia in 4 volumes. Vol. 2. Moscow, 2001. P. 283-284. (In Russ.).
3. Kotov V.P., Maltseva M.M. Discussion aspects of the concept of «mental illness» in modern psychiatry. *Journal of Neuropathology and Psychiatry named after S.S. Korsakov* 1989; (5): 145-148. (In Russ.).
4. Tkachenko A.A. The subject of forensic psychiatric examination and translational medicine. *Mental Health* 2016; (11): 3-14. (In Russ.).
5. Tkachenko A.A. On the elusive subject matter of forensic psychiatry. *Mental Health* 2017; (8): 83-90. (In Russ.).
6. Shishkov S.N. «Proofability» and «verifiability» of forensic psychiatric expert assessments. *Mental Health* 2017; (6): 65-71. (In Russ.).

ELUSIVE UNTIL COMPLETE DISAPPEARANCE

(THE ANSWER TO THE ARTICLE OF A.A. TKACHENKO «ON THE ELUSIVE SUBJECT MATTER OF FORENSIC PSYCHIATRY»)

Shishkov S.N.

Federal National Research Centre of Psychiatry and Addiction named after V.P. Serbsky
Moscow, Russia

For correspondence: *Shishkov Sergey*; e-mail: shishkov50@mail.ru

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

Funding: The study had no sponsorship.

Received: 11.10.2017.

The article continues the polemic initiated by Professor A.A. Tkachenko in his article «The subject of forensic psychiatric examination and translational medicine» [*Mental health*. 2016; (11): 3-14]. A number of disputable methodological issues of forensic psychiatric examination are analyzed.

Keywords: forensic psychiatric examination, conventionalism, mental disorder, insanity, legal criterion of insanity.